

«...Вперед, к коммунизму!...»

Две пьесы на одну тему.

ПЬЕСА ПЕРВАЯ

«...Вперед, к коммунизму!...»

Действующие лица:

Мужик

Петя

Ночь. Ни зги не видно. Проходная завода. Над ней светящиеся буквы «Вперед, к коммунизму!» Где-то вдали тоже светится тот же самый лозунг, только несколько букв погасло: «...ПЕР...МУНИЗМУ...» А чуть дальше – снова лозунг. Еще и еще...

Идет ПЕТЯ – поднял воротник от холода. Навстречу ему – МУЖИК. Увидел Петю, вдруг упал на колени.

МУЖИК. Мальчик! Молодой человек! Старик! Не бойся меня! Не бойся! Стой! Стой, говорю! Стой, стой, не беги от меня, как черт от ладана! Не беги! Стой, мальчик! Ну? Э, старик! Ну, слышишь ты меня, старик, слышишь? Стари-и-ик!

ПЕТЯ. А?

МУЖИК. Старик, я слышал много раз, что ты меня от смерти спас...

ПЕТЯ. Ну?

МУЖИК. Зачем?

Пауза.

ПЕТЯ. Ты, дядя, уже ни рю, ни мя... Смотри, как налился... Амбре за километр. Ни шьешь, не порешь... Иди, иди давай домой, не позорься перед народом, иди, иди, иди...

МУЖИК. Стой, мальчик! Стой! Прошу тебя, стой! Поговорим между четырех глаз! Стой, тебе говорю! Ну, постой ты одну минутку, постой, ну?

ПЕТЯ. Дядя, ты какой-то стебанутый... Пусти меня, уйди с дороги... Общагу закроют, слышишь? Ну?

МУЖИК. Мальчик, стой! Послушай мою исповедь! Не вру, я, постой, не вру тебе! Послушай! Я на завод попасть не могу! На смену я иду, мальчик! Где мой завод, ты, случаем, не знаешь ли? А? Выведи меня, мальчик, прошу тебя, я совсем, ну совсем заблудился тут!

ПЕТЯ. Какая тебе смена? Уже ночь...

МУЖИК. Я в ночную работаю... Выведи, мальчик! Где мой завод, ну, подскажи и покажи мне, прошу!

ПЕТЯ. Да хер тебя знает, где тут твой завод... Тут кругом заводы... Тебе какой надо-то? Сам ничего не знаешь, налился... Пусти меня, говорю, пусти! Я в твоих делах не Копенгаген, пусти, мужик, слышишь?

МУЖИК. Стой, мальчик, стой! Помоги! Помоги мне! Найди мой завод! На моем заводе написано: «Вперед, к коммунизму!» Большие такие буквы, красные, зовут куда-то...

ПЕТЯ. Дядя, да у тебя никак «белочка» уже, наверное, началась... Слышишь ты, дядя? Ты, говорю, до белой горячки уже допился, понял? Иди давай домой, не шарашься тут, домой, домой, какой тебе тут «Вперед, к коммунизму», какой, ну ?

МУЖИК. Стой, стой, мальчик! Посмотри кругом, прошу тебя, посмотри, как человека прошу - посмотри!

ПЕТЯ. Ну. Смотрю.

МУЖИК. Где тут написано: «Вперед, к коммунизму?»

ПЕТЯ. Да везде написано-понаписано: «Вперед, к коммунизму!» Тоже мне, жуешь мочало... Пусти меня, дядя, пусти, а то я драться с тобой буду! Смотри, я умею!

МУЖИК. Постой, постой! Посмотри, вот что тут написано? Не «Вперед, к коммунизму?» Посмотри, я не вижу, прошу тебя, мальчик!

ПЕТЯ. Да, «Вперед», «Вперед»! Ну, стебанутый какой дядька попался, а? Пусти меня давай, а то что я тут буду с тобой – до морковкина заговенья стоять, что ли? Пусти!

МУЖИК. Ну, значит, вот, вот она, вот она, вот она, вот она!

ПЕТЯ. Да кто, кто, ну, кто?!

МУЖИК. Моя родная проходная, что в люди вывела меня! Вот она, моя родная, вот она, родненькая, вот она, христовенькая, вот она, вот, вот!

ПЕТЯ. Ну, слава тебе господи! Вставай с пола, вставай, иди в свой «Вперед, к коммунизму»! Че вот ты на снегу лежишь-то? Иди, иди, иди, дядя! Стебанутый... Заработаешь вот себе тут на снегу простудифилис...

МУЖИК. Не заработаю! Не боись! Спасибо тебе, мальчик! Без тебя я бы ни за что не вышел бы на прямую дорогу! Спасибо тебе, мой дорогой ангел-хранитель! А то был я в положении – хуже губернаторского! Спасибо тебе! Спасибо! Спасибо!

Расходятся в разные стороны. Вдруг мужик возвращается и снова кидается Пете в ноги.

Стой, мальчик, стой! Помог один раз, так помоги же ты мне еще раз! Стой, не уходи, прошу тебя! Не к кому мне обратится больше, не к кому, только к тебе!

ПЕТЯ. Да чего ты привязался-то, а? Я вот щас милицию вызову, натравлю их на тебя, гад! Чего тебе надобно, а?

МУЖИК. Мальчик, прошу тебя, выслушай меня! О помощи тебя прошу, о помощи! Слушай: всю жизнь питался я акридами и медом... Слышишь, ты? Тебе говорю ты, мальчиш-плохиш! Ну?

ПЕТЯ. Да ты че буровишь-то, стебанутый, чего? Тебя в психушку сдать надо, что ли? Чего тебе надо, чего?

МУЖИК. Ну, ладно, скажу тебе проще: тебя как зовут-то, мальчик!

ПЕТЯ. Петя меня звать, Петя, Петя! Пусти, быстро пусти! А то покажу я тебе сейчас жизнь без мишуры! А ну, уйди, сказал! Слышишь, ты? Соплей перешибу!

МУЖИК. (яростно рыдает, слезы текут по лицу.) Никто не хочет мне помочь, никто не хочет мне помочь, никому я не нужен, все меня покинули, скоро я умру! Все меня бросили, все до единого, как я теперь буду жить, ка-а-а-к, каа-а-ак?!

Пауза.

ПЕТЯ. Да ты чего, чего, дядя? Да ты брось, брось, не реви, чего ты? Тут люди кругом ходят, не надо реветь, дядя, перестань, люди кругом, слышишь?

МУЖИК. Нет никого! Все уже спят давным-давно, седьмой сон видят или на родном заводе коммунизм среди ночи строят, понял ты? Никого нет! Никто меня не увидит и никто мне не поможет, никто, никто, никто, никто, никто!

ПЕТЯ. Ну, ну, тихо, тихо... Ты чего? Чего плачешь-то? Тихо, тихо... Чего тебе надо-то? Не реви ты, Господи, не реви, рассопливился... Тьфу, черт, а? Навязался на мою шею!

МУЖИК. Не поминай его к ночи, снится будет!

ПЕТЯ. Кого не поминай?

МУЖИК. Черта! Петя, послушай! Мальчик Петя, я по глазам вижу тебя, что ты очень добрый мальчик! Я тебя вижу насквозь, как рентгеном, мальчик Петя, я тебя просвечиваю...

ПЕТЯ. Да не мальчик, не мальчик я, просто ростом маленький! Болел в детстве много, понял? Слышал такой анекдот? Ну вот. В ПТУ я учусь на токаря... Я уже давным-давно стал большой, понял ты?

МУЖИК. Ну, тем более ты поймешь меня, как рабочий человек только может понять рабочего человека, как пролетариат пролетариата! Пролетарии всех стран – кстати - соединяйтесь! Даеть перестройку! Куй железо пока Горбачев!

ПЕТЯ. Да ты толком, толком говори, чего ревешь-то, дядя! Не мели чепухи-то, хватит! А то орешь, орешь: «СССР, слава, октябрь», а понять ничего нельзя! Мне идти надо, слышишь? Общагу мою закроют, меня не пустят, я что – на улице буду ночевать, да? Не буду я на улице ночевать, говори быстрее – чего тебе?

МУЖИК. (рыдает.) Нет, нет, нет, не надо, не уходи, не надо! Видишь, я погибаю тут совсем! Совсем пропадаю! Видишь – вот моя родная проходная, мне на смене надо быть было еще полчаса назад, вот! А я – сам видишь! – не могу! Не могу никак и все! Никак не могу! Ослаб, ну? Иду, как бык поссал ...

ПЕТЯ. Дядя, дядя, ты не ругайся, не ругайся давай! Я таких слов слушать не могу. Я пионером был, я комсомолец... Так что – вот так вот. Не ругайся, а то я тоже могу, понял?

МУЖИК. Прости, прости, прости меня, мальчик Петя, дитя невинное, дитя по имени Петя! Прости! Вот что. Ближе к делу. Пошли сейчас со мной, скажешь вахтеру, чтоб пустил меня на родной мой милый завод... На завод чтоб пустил, к любимому родному токарному станку, и дорогим товарищам, в сплоченный коллектив, в родные стены, которые всем-всем помогают! Ну? Ох, как вы там, мои дорогие, мои родные, мои любимые, как вы там себя чувствуете без меня-а-а?! Ка-ак?! Как?!

ПЕТЯ. Да что он меня слушать-то будет, твой вахтер? Не будет он меня слушать! Иди давай, иди, иди, дядя, сам иди, трудись, делом займись, иди, занимайся, иди, иди...

МУЖИК. Ну, как ты мне надоел со своим «трудись, трудись»! Слушай ты, злой мальчик, крапивное семя! Не перебивай потомственного рабочего в пятом поколении! Ну? Молчи! Пойдем со мной, вахтеру скажешь, что были мы с тобой вместе на поминках, но засиделись там до поздна за бутылкой чая!

ПЕТЯ. Да чего ты буровишь-то, чего, чего, чего? Да на каких поминках мы с тобой были, на каких, на каких, ну?

МУЖИК. Да на поминках твоей матери, моей родной сестры, понял, нет? Пень березовый, какой попался, голова соломой набита, не поймешь никак! Пошли, пошли, говорю, быстрее! Меня уже цыганский пот прошиб, замерз, как цуцик, как собака какая, хочу быстрее уже в теплый и милый сердцу цех, ну?!

ПЕТЯ. Слушай, дядя! Типун тебе на язык твой поганый за такие слова! Ты что мелешь-то, а? Моя мама жива-здоровая, в деревне моей родной работает дояркой, понял? Тьфу тебе в глаза, гад ты, пьянчуга, алкаш! Провались!

МУЖИК. Господи, детские уста, а такие гадости, такие слова нехорошие произносят, аж противно, аж мороз по коже пошел, аж ушам своим не верится... Я, можно сказать, умоляю тебя мне помочь, подсобить, подмогти, а ты как этот... Не можешь врубиться, чурбан!

ПЕТЯ. Помочь, подсобить, подмогти! Не болтай чего не надо, так подмогу!

МУЖИК. Ну вот, и слава Богу, вот и договорились, вот и хорошо! Пойдем к вахтеру, скажешь ему, что сегодня хоронили моего родного брата, понял? Моего родного брата, твоего отца...

ПЕТЯ. Опять? Уйду ведь...

МУЖИК. Да что ты такой егозливый и суеверный? Они у тебя, твои мамка и папкай, сто лет еще проживут! Убудет у тебя, что ли, если ты скажешь одну только такую фразу, просто так, от нечего делать, убудет да? Язык отсохнет, да? Так что ли, ну?

ПЕТЯ. Баранку гну! Нукаешь! Не запряг! Как ты мне надоел уже, как надоел! Убудет, убудет, убудет... Я - комсомолец!

МУЖИК. Ну, ладно, ладно. Ты – комсомолец. Просто так, понимаешь, просто так - подтвердить вахтеру, что я сегодня хоронил свою жену и был на поминках вместе с тобой и потому опоздал на работу... Просто подтвердишь и все дела... Понял?

ПЕТЯ. А я что с тобой на поминках делал? Я тебе кто – родственник, что ли? Тебе или твоей жене родственник?

МУЖИК. Ой, да кто, да что, кого, чего, зачем, почему! Никому не родственник! Зашел вот так вот просто улицы, посмотреть: а что, мол, вы тут в столовой делаете? Посмотреть! Вдруг видишь: я иду на работу. Ты и вызвался вдруг – вдруг! - меня до моей любимой работы довести! До проходной довести, проходной!

ПЕТЯ. Ага, как же! С улицы на поминки не заходят! Дядя, понял? Не поверит тебе и мне никто, не заходят потому что!

МУЖИК. А вот я – захожу! Живу вот я в доме, где столовая. Внизу, на первом этаже. Там, почитай, каждый день да через день – поминки, понял? И я вот каждый день захожу туда, просто так, аки ворон на падаль! Захожу, арапа заправляю, что я, мол, тут всех кругом знаю... А я сам никого из поминальщиков не знаю из этих и знать не хочу! Ни аза в глаза! Понял? Мне бы только водка была! Бы! Зайду вот так вот, на халявку наемся, напьюся, наревуся и потом иду себе спокойно на работу, в свой любимый и родной цех, понимаешь? Вот так прямо и иду, иду, иду, и иду... И все дела на этом, понимаешь?

ПЕТЯ. Я не такое. Я с улицы заходить не стану к чужим людям за стол. Бессовестный ты, дядя!

МУЖИК. Ну, гад какой попался, а? Нет, вы посмотрите только, какой мне попался гад! А?!

ПЕТЯ. Пусти меня, я пойду! Раз ты меня всякими-превсякими словами обзываешь – пусти, сказал!

МУЖИК. Стой, стой, не уходи, Петя! Не уходи, не бросай меня тут одного, не бросай! *(хнычет.)* Мальчик Петя, я тебе еще не все сказал, стой, стой! Прости, что я тебя так назвал, обозвал, таким нехорошим словом, прости что я так сказал! Нет, ты не гад, я хотел сказать, не гад! Я хотел сказать, что ты просто нехороший человек, мальчик, Мальчиш-Плохиш! А не гад! Злой мальчик ты, вот что я тебе хотел сказать – ласково, нежно сказать! А ты сразу в бутылку полез, сразу уже и обижаться!

ПЕТЯ. Тем более - уйду! Пусти! Какой я тебе Мальчиш-Плохиш? Что это такое? Что это за обзывания такие ни за что, ни про что посереде улицы, а?

МУЖИК. Дурак ты, Петя, дурак. Не понимаешь. Мальчиш-Плохиш – это герой из советской сказки про гражданскую войну, а ты не бельмеса не соображаешь, не петришь в этом, книжки не читаешь, вот что я тебе должен сказать, мальчик Петя, честно и откровенно, со всей непредвзятостью!

ПЕТЯ. В той сказке герой был – Мальчиш-Кибальчиш! Мы эту сказку еще в пятом классе учили, а ты мне говоришь, что я литературу не читаю! Я всю советскую литературу на зубок знаю! Читаю! Я, может, еще поумнее тебя, дядя, а ты мне тут заливаешь баки, дядя! Уйди, сказал!

МУЖИК. Мальчиш-Плохиш тоже был герой. Тоже! Был! Герой! Был! И не спорь мне! Герой! Герой! Самый натуральный! Понял ты меня или нет?

ПЕТЯ. Ну, какой он был герой, какой, какой?!

МУЖИК. А такой вот. Соображать надо. Он был – отрицательный герой... От-рица-тель-ный!...

Пауза.

ПЕТЯ. Провались ты! Пристал, как банный лист до задницы! Пусти меня, уйди с дороги, уйди, надоел, пусти, гад!

МУЖИК. Вот, вот, вот она, вот, вот, смена наша, товарищи! Видите, какая подрастает молодая и гнилая поросль! Зеленая, но уже гнилая! Как с ними мы, товарищи, пойдем к

коммунизму? Как? Да никак. Никуда мы с вами, товарищи, не пойдем, ни к какому коммунизму... Не пойдем! А если и пойдем мы с вами к светлому будущему, то придем мы с ними не туда... Ведь у нашей молодежи, товарищи, никакого понятия о дружбе, чести, совести, долге, принципиальности, отзывчивости, чуткости, ответственности и прочих наиважнейших делах, товарищи! И никаких понятий у них обо всем этом хорошем, вот что друзья! Нет, нет и нет!

ПЕТЯ. Да чего, чего, чего ты пристал-то, чего пристал, скажи мне ради Христа?! Что тебе надо, полудурок, что тебе надо, что надо тебе, гад ты стебанутый! Что, что, что-о-о-о?!

МУЖИК (*тихо.*) Труса, значит, празднуешь, ага? Скажи честно мальчик Петя? Труса, ага?

ПЕТЯ. Да кого, кого я праздную, кого? Кого, скажи мне толком, кого?! Я трезвый совсем иду, ничего не праздную, а ты – пьянь стебанутая, меня остановил, пристал ко мне, понял?!

МУЖИК. Ты меня понял на понял не бери, понял? Я тебе говорю: ты что, труса празднуешь, ага? Трусись? Ага? Так и скажи - прямо и честно, открыто и откровенно, в духе гласности, не боясь суждений и не взирая на лица, по-комсомольски скажи: труса, да? То есть, трушу! Боишься, да? Боишься?

ПЕТЯ. Да кого, кого я боюсь, скажи?! Кого?!

МУЖИК. Кого, кого. Вахтера, вот кого боишься! Да? Боишься? Так и скажи, мальчик Петя!

ПЕТЯ. Никого я не боюсь! Никого! Не боюсь никого!

МУЖИК. Нет, боишься. Боишься. Я ведь вижу. По глазам. И кого же ты боишься? Кого же мы боимся, товарищи? Вахтера? Господи, кого испугался-то, даже смешно! Кого? Уж на что я маленький, плюгавенький, гунявый, и даже я вот такой невидный из себя – а и то не боюсь этого вахтера поганого, потому что... Потому что мои трусы ему - по колену! Понял? По самые колена ему будут мои трусы!

Пауза.

ПЕТЯ. Слушай, дядя, раз у тебя жена умерла, так ты ему так и скажи, вахтеру-то, покажи свидетельство о смерти и все дела на этом! Понимаешь? Бумажке все поверят сразу. Все до единого. Да за такое дело они тебя вообще сегодня на работу не пустят! Ну, то есть, скажут: а-а, раз у тебя такое горе, иди, значит, домой, и спи. Отдыхай. Скажут: без тебя весь план, все детали, все до последней гаечки... Скажут: и так все выполним и перевыполним, а ты – иди... Вот и иди, и иди... Иди давай! Иди, сказал!!!

МУЖИК. Да стой ты, стой, стой. Разошелся тут как. Выполним-перевыполним. Какое горе-то?

ПЕТЯ. Ну, у тебя, говоришь, жена померла, ага? У тебя ведь? Говорил ведь только что... Забыл, что ли? Ты чего?

МУЖИК. Чья жена померла, мальчик? Моя? Или у тебя, ага? У тебя, значит, жена померла, мальчик?... Так ты был женат, мальчик Петя, стало быть, ага? Такой молодой, а уже женатый, ага? Ну, мальчик Петя, а я тебе так доверял! Ну, куда вы все торопитесь и торопитесь, а? Куда, вот скажи ты мне ради Господа Иисуса Христа, куда, куда?! И вот – поторопился и вот результат – померла! Померла она! Померла!

ПЕТЯ. Какой результат? Кто торопится? Какая жена?

Пауза.

Слушай, дядя... Вот что. Я гляжу – ты уже совсем стебанулся... Я говорю тебе, тебе: у тебя – жена! – умерла! Ну?!

МУЖИК. Да ты чего, бог с тобой, золотая рыбка. Моя Анна Сергеевна жива-здоровая, ничего с ней, с коровой не сделалось слава Богу и не делается в ближайшей пятилетке.... Сегодня как пошел я в ночную смену на работу трудится, она у меня тоже сразу за дело принялась, начала пластаться.... Она у меня такая работающая – ух! Всю ночь сегодня гонит самогон. А чтоб на площадке не сильно пахло, она такое придумала: дверь внутри дихлофосом обрызгает, будто тараканов и клопов травит в квартире. Понял? Вот она у меня какая ушлая! У, ушлая! А брага у нас вкусная-а-а! На изюме брага делается.

Изыюмовка называется. Понимаешь? Я - в ночь, и она – в ночь. Вся наша трудовая семья работает, не покладая рук, в поте лица выполняем и перевыполняем задания партии и правительства... Понял?

Пауза.

ПЕТЯ. Пусти, дядя, или я тебя сейчас чем-нибудь зашибу... Пусти, говорю! Ты меня совсем чеканешь, стебанутый! Пусти, сказал, с дороги! Уйди, уйди, с моего пути! Пусти мои ноги! Они тут не для того стоят, чтоб их всякие... всякие стебанутые обнимали! Уйди, дядя, от греха подальше, уйди, прошу тебя!

Пауза.

МУЖИК. Ну-ну, вот еще чего не хватало, вот еще чего! Раскричался-то чего? Что с тобой, мальчик Петя? Ку-ку? Пошли, говорю, быстренько скажешь вахтеру, что был со мной на поминках... Тот меня пустит на работу и иди себе домой, иди, иди, иди себе, куда тебе охота, на все четыре стороны иди, куда хочешь! Я ведь тебя, мальчик Петя, не держу, не держу, чего же ты, ну?

Пауза.

Петя зарыдал, прислонился к забору.

ПЕТЯ. Господи, боженька!!! Да за что ты меня, такого несчастного-разнесчастного наказываешь?! За что? Что я тебе сделал, Господи? Что я тебе такого плохого сделал, что, что, что?! Ничего ведь для тебя плохого не делал, ничегошеньки! Почему надо мной все издеваются, почему, почему? Я уж в петлю готов от всего этого залезть, Господи Боженька! Приехал в город после восьмого класса, поступил на токаря, как человек поступил и вот уже сколько месяцев, сколько месяцев подряд - с сентября по декабрь! - маюсь! Маюсь, Господи, маюсь! По улице хожу – они меня все пихают в бок, через перекресток пойду – машина на меня обязательно наедет, в очередь за вонючей колбасой встану – мне как всегда не достанется, стипендию получу - ее у меня обязательно украдут или я ее обязательно потеряю! В станках этих ни бум-бум не соображаю, мне за них двойки ставят и стипендии, стипендии обещают лишить! В общежитии из окна дует, моя койка у окна, простыни холодные, сырые, по комнате мыши, тараканы и клопы бегают, кусаются, кусаются! А месяц назад на улице меня по голове стукнули чем-то железным, забрали шапку, напинали по животу! В столовой щи прокислые, котлеты с одним хлебом, без мяса, пельмени слиплись, сок разбавленный, ложки грязные, рыба протухлая, сахару нету, масла тоже, а жрать охота!!!! Все издеваются надо мной, покоя мне не дают, житья от них нету, жить не хочется, в петлю хочется! Сегодня как все добрые люди шел из кина, смотрел там такую красивую картину про любовь, про хорошую жизнь, с песнями, с танцами, а тут вдруг пристал этот мужик стебанутый, гад подколотый, гад! Ну, чего, чего, чего, чего ему от меня надо, Господи Боженька, скажи, чего, чего?! Хотя ты мне объясни толком, Господи Боженька, чего ему, стебанутому такому, скотомогильнику этому надо от меня, чего требуется?! Чего ему надо?! Я ведь чую, чую, чую, что ему чего-то надо, чую, чую, но не говорит он, гад такой, гад стебанутый, гад подколотый, гад, гад! И уйти никак не могу, потому что мучаться буду потом три дня из-за этого, из-за того, что человека обидел, не помог ему! Научи, Господи, вразуми, Боженька, вразуми! Скажи, что мне делать, что, что, что, что, Господи Боженька, миленький ты мой, скажи, прошу тебя, ну?!

Пауза.

Петя выпрямился, вытер слезы.

Ну, что, дядя, а? Все слышал? Все понял? Все дошло до тебя или нет? Сейчас я тебя буду бить... Убивать буду тебя потихоньку, вот так... Бить тебя буду, пока тебе карачун не придет... Понял? Ну, иди, иди, иди давай сюда, иди, иди... Иди, иди давай... Я на тебе сейчас отыграюсь. Сюда, ближе подходи, чтобы мне не размахиваться так сильно... Ты у меня за всех сразу сейчас получишь... Ой, отыграюсь я на тебе, уй, ты и получишь от меня сейчас, дядя стебанутый, ну и получишь... Попрыгаешь ты сейчас лезгинку с комаринским ... Ну, иди, иди, иди сюда, дядя стебанутый, иди, иди, иди...

МУЖИК. Петя, стой! А я-то что, виноватый, что у тебя жизнь такая - нескладуха? Я-то здесь при чем, мальчик Петя? Сам виноват, твои дела это все... Ну, при чем тут я-то?

ПЕТЯ. Я тебе сейчас покажу «мальчика», сейчас ты у меня увидишь небо в алмазах, сейчас, сейчас, сейчас... Погоди... Я тебе сейчас покажу мальчика кровавого в глазах, покажу... Иди сюда, иди ко мне, ну, давай, гад ты стебанутый...

МУЖИК. О! О! О! О! О! Испугал! Ну, испугал! О! О! О! Ну, ну... Прямо-таки... Прямо-таки - Гог и Магог... Испугал! О! О! О!

ПЕТЯ. Поругаешься ты у меня, поругаешься, ой, поругаешься!... Я тебе сейчас такого покажу, такого, такого, скотобаза, такого, такого, такого...

МУЖИК. Какого?

ПЕТЯ. Большого, вот какого!

МУЖИК. Стой! Стой! Петя! Стоять! Смирно! Смирно! Ноги вместе! Носки врозь! Сделай! Стой! Стоять, Машка, я Буденный! В армии не служил? Нет? А я служил! И ты скоро пойдешь! Скоро, дай срок! Станешь генералом!? Ну, уж ефрейтор – обязательно! Это точно! Стоять! Скоро выполнишь свой священный долг и почетную обязанность! Смирно! Вольно! Молодец! Отлично! Держи вот это и ступай быстренько следом за мной, быстренько, пошли, ну?!

ПЕТЯ А?

МУЖИК. На, на. Держи, сказал.

ПЕТЯ. Че ты мне суешь? Че ты мне суешь?

МУЖИК. Зелененькая, понял, студент? Троячок, студент! Пролетарий! Токарь! Люмпен! Держи, тебе ведь никто никогда такого не даст! Барашек в бумажке! Тебе это! Держи и пошли к вахтеру! Скажешь, как я тебя учил: были мы с тобой, друг ситный, мальчик Петя, на поминках, ага? И задержались из-за сильной любви к покойному и не пришли в назначенный срок строить коммунизм именно потому! Понял? Пошли быстро!

ПЕТЯ. Нет, ты мне скажи: зачем ты мне дал трояк, а? Ну, зачем ты мне его дал, говори? Ну?!

МУЖИК. Да не бойся, не бойся, никого ведь нет, никто этого твоего позора не увидит, ни одна живая душа не узнает, что у меня берешь взятку! Барашка в бумажке! Бери мои честно заработанные нелегким трудом рабочего три рубля и – все! Берешь, ага? И за что, за что, скажи ты мне ради Бога?! Петя, а? Петя, а? За что? А-а, за так, за просто так, прости, прости Господи... За просто так. Эх, люди вы, люди, за деньги-то вы все можете сделать, все, все, все! А вот так можете ли вы сделать что-нибудь без денег, без них, просто так, бескорыстно, как общественную нагрузку? Можете или нет? Как же! Общественную нагрузку можете, а это – никак! Взял бы вот кто-нибудь из вас и помог бы мне за просто так! Можете? Нет, не можете... Уж я-то вас всех до единого хорошо знаю, хорошо, скотов... Знаю я вас, скотов... стебанутых!!!

Пауза.

ПЕТЯ. Забери. Забери свои драные три рубля. Забери, гад. Забери. Забери. И больше ко мне со своими деньгами не привязывайся, понял? Забери. Забери. Забери!!!

МУЖИК. От, молодец! От, хвалю, хвалю! Устыдился-таки... Стыдно стало, ага, мальчик Петя? Совесть, значит, еще маленько есть, есть, осталось... Бесплатно решил помочь, ага? Правильно. Молодец. Всегда так поступай и люди к тебе потянутся. Будь проще и люди тебя зауважают... Ведь ты кто? Кто ты есть, ну? Кто?

ПЕТЯ. Петя я.

МУЖИК. Нет, не Петя ты! Не Петя! Ты, вообще-то, и Петя, но вместе с тем ты и не Петя. Не Петя ты! А комсомолец.

ПЕТЯ. Правильно. Я комсомолец. *(Плачет.)*

МУЖИК. Ну вот, правильно. Если тебе комсомолец имя, делами крепи его! Понял?

ПЕТЯ. Понял.

МУЖИК. Раз понял – пошли. Быстренько пошли. На поминках, значит, с тобой были. Понял? Так и говори. И главное – побольше тоски в глазах изображай, побольше,

побольше... Будто ты тоже родственник самый при чем любимый, самый дорогой... Будто ты тоже... На, снегом лицо натри, будто ты плакал неутешно от самого кладбища до самой столовой. Иначе не поверят. Нет, не поверят! Тут у нас, знаешь, какие ушлые вахтеры-то? Знаешь, нет? У-у, какие ушлые! Моя жена вот тоже ушлая и они ушлые... Такие же вот. Я на днях с завода выходил выпивший. Ну, вмазали с родным сплоченным коллективом на работе за победу в социалистическом соревнование...

Выхожу... Сказал вахтерам-то, что у меня это с утра еще воняет, со вчерашней попойки... Так не поверили, знаешь! Не поверили, ушлики! Протокол составили, заразы! Стервозы! Ну, что, что ты встал-то, что ты застыл? Идешь ты или нет, мальчик Петя?

ПЕТЯ *(рыдает.)* Мамочка моя, мамочка! Милая моя мамочка! Где ты, мама, где? Где ты сейчас, мамочка, где, где ты там?! В мыслях я вспоминаю образ ласковый твой! Тво-о-ой! Мамочка моя!

МУЖИК. Ну вот, мамочку звать начал. Молодец. Чего же это ты, Петя, а? Мамочка твоя далеко. Далеко-далеко твоя мамочка отсюда. Далеко-далеко, где кочуют туманы, где от легкого ветра колыхнется ро-о-ожь... Дома у себя твоя мамочка. Не услышит тебя твоя мамочка, как не зови, нет, не услышит...

Пауза.

Не хочешь, значит, идти, Петя? Или это ты нарочно слезы делаешь, ага? Нарочно? Для вахтеров, ага? Ну, молодец! Молодец ты, Петя! Артист ты у меня! Заслуженный артист без публики! Артист погорелого театра! Просто замечательно ты работаешь, молодец, хоккей!

ПЕТЯ. Мамочка моя, моя-размоя мамочка, мамочка моя милая, мамочка, мамочка...

МУЖИК. А-а. Все понятно. Понял я тебя. Мальчик Петя, три рубля тебе мало, ага? Вот оно что, ясно. Вы же из деревни все хваткие. Вам все больше и больше подавай, ага? От народ пошел, скажи, Петя, от народ пошел... Таксисты и частники - то же самое, в конец обнаглели... Махаешь ему рукой, махаешь, махаешь... Ведь три рубля же на дороге валяются, три рубля, подбери же ты гадюка! А он мимо и мимо. Как говорится - жизнь прошла мимо! Ну да ладно, Петя, ладно, уговорил, чертяка! Вот тебе еще два рваных! Правда - один мелочью. Извини. Прости, друг, но денег нет других, нам ведь за работу иногда, чаще всего мелочью дают. Стало быть - деньги, заработанные честным трудом... Держи. Как говорится: забыл дома на белом рояле кошелек... А то бы... (смеется.) Итого - пять. В графе «итого» - пять. В графе «всего» тоже пять! Целых пять! Да я бы за пять целковых удавился бы! В церкви бы пукнул! А тебе то чего надо! Всего-то - соврать надо! Да что соврать-то? Спаси надо человека, парой фраз, парой слов, парой словечек выручить его из беды!... Так ведь это просто, Петя и все... Всего-то - пару слов! И за это - пять целковых! Нет.ет. Не хочет. Не хочет он. Вот народ пошел. Вы посмотрите только на него. Не хочешь? Нет? Неужели не хочешь? А, Петенька? Ну, скажи хоть одно словечко!

Пауза.

ПЕТЯ. Забери, свои деньги, дядя. *(Тихо.)* Прощай, дядя. Я ухожу. Совсем ухожу. В другую сторону ухожу.

МУЖИК. А к вахтеру? Ну?

ПЕТЯ. Никуда я с тобой не пойду, стебанутый... Никуда не пойду! Стебанат! Стебанат ты! Не поможет ни грелка, ни клизма, нет спасенья от бутулизма! Не пойду я с тобой никуда! Уйди. Врать не буду и не умею. Не умею я! Все. Прощай. Прощай, дядя. Больше никогда в жизни не увидимся и слава Богу. Прощай.

МУЖИК. Экий ты, Петя, приказной крючок. Знаешь, что это такое? Неграмотный ты. Бюрократ ты, Петя, вот ты кто. Наша самая главная на сегодня беда, от которой необходимо, перестраиваясь, освобождаться. Бюрократ ты. Ты - бюрократ. Потому что не хочешь быстро и оперативно решить вопрос, мой вопрос... Вопрос, можно сказать, жизни и смерти, смерти и жизни... Причем, ведь надо-то решить быстро и оперативно, тут же, у проходной, с ходу, быстрехонько... А ты все не хочешь и не хочешь, все упираешься, не

идешь на встречу перестройке... Я тебя уговариваю и уговариваю перестроится вот уже целый час...

ПЕТЯ. Прощай!

Уходит в другую сторону, не туда, куда шел.

Мужик рванулся за ним, снова упал, снова обнял Петины колени.

МУЖИК. Стой! Стой! Стой!

ПЕТЯ. Пусти.

МУЖИК. Стой, стой! Не уйдешь! Не отпущу! Стой!

ПЕТЯ. Чего?

МУЖИК. Дай в глаза тебе посмотрю, слышишь? В глаза тебе хочу посмотреть, ну?

ПЕТЯ. Гляди.

Пауза.

МУЖИК. Вижу. Все вижу. Не пойдешь, значит, к вахтеру вместе со мной врать про поминки?

ПЕТЯ. Нет. Не пойду.

Пауза.

МУЖИК. И вообще - врать не будешь? Так, что ли?

ПЕТЯ. Не буду.

МУЖИК. Врешь?

ПЕТЯ. Не вру. Пусти

МУЖИК. Не можешь, что ли?

ПЕТЯ. Не-ка. Не могу.

Мужик долго молчит, глядя Пете в глаза.

Улыбнулся вдруг весело, поцеловал Петю в лоб.

Начал говорить совсем другим тоном, другими словами, как-то грустно и тихо.

МУЖИК. Молодец, Петя. Молодец. Просто – молодец. Комсомолец, значит, ага?

ПЕТЯ. Комсомолец... Ага...

МУЖИК. Это которые косо молятся, что ли?

ПЕТЯ. Чего?

МУЖИК. Ничего.

Пауза.

И правильно. И верно. И не ходи. Не ходи! Не ври! И не ври! Не ври этому вахтеру! Не ври! Никому не ври! Себе тоже! Не ври. Никогда. Правильно. Молодец. Так и надо... Молодец, молодец ты, Петя. Держи!

Взял Петину руку, вложил в нее большое красное яблоко.

Улыбнулся, повернулся и пошел прочь, быстро и серьезно.

ПЕТЯ. Э-э-э! Дядя! Это что такое, а? Что такое это, а?

МУЖИК. (идет.) А это тебе, Петя, тебе... Подарочек. За стойкость. Молодец, Петя. Давай, иди, иди...

ПЕТЯ. (бежит за мужиком.) Погоди, дядя, погоди... Постой, спрошу у тебя чего-то... Погоди, стой, стой...

МУЖИК. (остановился.) Чего? Ну?

ПЕТЯ. (долго, очень долго смотрит в глаза мужику.) Дак ты чего хотел-то, дядя? Чего ты от меня хотел, скажи?

МУЖИК. Да так просто...

ПЕТЯ. Нет, ты скажи, скажи давай мне, скажи! Так просто не бывает, скажи, скажи. Не бывает так...

МУЖИК. (улыбается.) Бывает, Петя. Так просто – тоже бывает. Хожу вот так просто привязываюсь к людям... Хожу и привязываюсь, хожу и привязываюсь, хожу и привязываюсь...

ПЕТЯ. А от чего ты привязываешься-то, скажи, дядя?

МУЖИК. (улыбается.) А от того самого и привязываюсь, от чего ты, Петя, в город из деревни поехал...

ПЕТЯ. А от чего я в город из деревни поехал, отчего, скажи, скажи мне, дядя?

МУЖИК. Да от тоски, Петя, от тоски все ... От тоски и я привязываюсь... Понял?

ПЕТЯ. Нет. Не понял...

МУЖИК. Ниче. Скоро поймешь.

ПЕТЯ. Скоро?

МУЖИК. Скоро, скоро. Какие твои годы. Эх, Петя, Петя, Петя ты, Петя... Петенька ты, Петя... Ладно, Петя, иди домой, чего там... В общагу свою иди. А то не пустят... Во-он буквы-то светятся... Их на ночь не выключают вроде, ага? Совсем не борются за экономию и бережливость! Эх! Эх! Давай, давай, топай...

Мужик уходит.

Петя долго стоит и думает.

Смотрит на яблоко.

ПЕТЯ. Ну... Ну... Ну, стебанутый!!!!!!

Тоже уходит.

Над проходной горят слова:

«Вперед, к коммунизму!»

Занавес

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ПЬЕСЫ

ВТОРАЯ ПЬЕСА

«Вино... вино отравлено!...» («...Верю!...»)

Действующие лица:

Сергей – 36 лет

Вика – или 19, или 24,5, или 25 лет

Поздний вечер. Квартира Веревушкина.
Диван, кресла, стол. За столом уставленным тарелками
С закуской сидят Сергей и Вика.
В комнате полумрак, горит настольная лампа.

ВИКА. Послушай, Сергей... Я давно хотела тебя спросить... Только ты не обижайся, ладно? Обещаешь?

СЕРГЕЙ. Ну, что ты, Вика! Чего ты, родная!

ВИКА. Нет, ты должен понять меня правильно и ни капельки не обидеться на тот вопрос, который я... На тот необычный вопрос, который я у тебя спрошу... Он меня действительно страшно, страшно, волнует в последнее время... Не обидишься ли ты на меня, Сергей? Поймешь ли ты меня правильно, а? Сергей?

СЕРГЕЙ. Ну, спрашивай, спрашивай, Вика. Тут есть еще в бутылке. Давай, действительно, о чем-нибудь поговорим. А то молчим и молчим. Спрашивай, не стесняйся. Я пойму.

ВИКА. Итак... Сергей! Сергей Веревушкин! Веревушкин Сергей! То, о чем я тебя спрошу сейчас, не должно вызывать у тебя скептической улыбки... Короче говоря, я хочу спросить тебя совершенно серьезно, понимаешь? Только, пожалуйста, не думай, что я захмелела от двух рюмок коньяка, которого ты мне налил...

СЕРГЕЙ. От четырех...

ВИКА. Ну, тем более. Не думай, пожалуйста. Только не подумай, ради Бога, об этом и этого. Итак, я спрашиваю тебя. Ты - готов?

СЕРГЕЙ. Я всегда готов. Я – всегда готов.

ВИКА. Сергей. Сереженька. Сергей... Я хочу спросить у тебя... Я спросить тебя хочу... Хочу спросить...

Пауза.

СЕРГЕЙ. Ну-ну?

ВИКА. Итак, Сергей! Ты веришь в то, что когда-нибудь, когда-нибудь наступит коммунизм? Веришь? Нет, я совершенно серьезно это задаю, ты меня правильно пойми. Меня действительно очень и очень волнует этот вопрос, слышишь, Сергей?

СЕРГЕЙ. (закурил, развалился на кресле.) Нет, нет, Вика. Ты знаешь, Вика, я тебе отвечу. Не верю я. Да. Не верю. Вот так вот. Не верю и все тут. Понимаешь?

Пауза.

ВИКА. Ну и подлец же ты, Сережа. Ну и подлец. Взял вот так вот и все испортил. Все. Нельзя так. Нельзя же так.

СЕРГЕЙ. Почему нельзя?

ВИКА. Потому что – нельзя. Нельзя быть таким, знаешь, Фомой неверующим. Как тебе не стыдно, я не представляю! Как тебе не ай-яй-яй? Как? Подлец ты, и все на этом.

СЕРГЕЙ. Ну вот. Молодец. Правильно. Так и надо. Пришла, мой коньяк вылакала, а теперь давай меня обсерать. Ну, ну. А чего же еще. Правильно, так и надо. Правильно, бутылка уже почти пустая. Теперь надо и за хозяина приниматься, а то чего? Так ведь и не уйдешь, не сказав на прощанье свою коронку: «Хозяин Бэ, пирог Гэ, Ежать я ваши именины!». Пили, ели, все нормально – и расстались капитально. Молодец.

ВИКА. Ой, да бессовестный ты, больше никто... Понял? Нужен мне твой коньяк...

Господи! Да твой коньяк паршивый надо было сдать на анализы, вот что! Я знаю даже, какой тебе ответ будет с анализом: «Глистов не обнаружено!» Понял? Тоже мне, со своим коньяком носиться, как этот...

СЕРГЕЙ. Ну, спасибо, Вика... Спасибо, старуха. Теперь я буду знать на будущее, как тебя в гости приглашать. Спасибо – а чего же еще скажешь? Данке шеен ма шер лавью!

ВИКА. Да знаю, знаю, зачем ты меня в гости позвал, знаю! Тоже мне... Люблю, люблю, а сам рюмки считает, позорный, сколько я выпила... Сколько, сколько. Четыре, две! Знаешь что, Сережа, хочу тебе сказать...

СЕРГЕЙ. Что? Ну что?

ВИКА. А вот что. Знаешь, как тебя, Сережа, все зовут? По-за-глаза, конечно. Знаешь, нет?

СЕРГЕЙ. Как? Ну, как?

ВИКА. Как, как... Кверху каком!

СЕРГЕЙ. Не ври... Не ври!

ВИКА. (смеется.) Я пошутила. Не так тебя зовут. Не «Кверхукаком». Тебе все нашли очень милую кличку. «Серя-Веря». Серя-Веря – значит. «Сергей Веревушкин».

Веревушкин Сергей. Серя-Веря, Серя-Веря! Правда, здорово? По-моему, очень остроумно, и, главное, очень точно, не так ли? Ага? Ну?

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

СЕРГЕЙ. Что, все так меня называют?

ВИКА. Все! Абсолютно! Все до единого. Даже уборщицы наши. Все до единого так тебя зовут. Понял?

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

СЕРГЕЙ. (тихо.) Вика, послушай. Я хочу тебе сказать что-то очень, очень важное. Только ты меня не перебивай. Так вот, слушай: два года уже скоро, как я развелся со своей первой женой. Все эти два года, эти тяжелых два года, я был страшно одинок и страшно зол на слабую половину человечества. Я делил женщин на курочек и курвочек. Первых я редко встречал на своем пути. Почти не встречал. Крайне редко. Крайне. Предельно. И вот вдруг на моем тернистом пути, жизненном пути встретила ты...

ВИКА. Ах, аха! Как красиво!

СЕРГЕЙ. Послушай. Встретила ты... Как только ты вошла в нашу комнату, где работает наша бригада и сказала всем, что теперь ты будешь работать курьером директора, меня словно пронзило током. Шибануло током в триста градусов. То есть, вольт, извини, Вика. Вольтануло меня, короче. Так вот: ты – курочка, Вика! Я сразу же влюбился в тебя по уши! Кстати, я тебе лично говорил это неоднократно, ничего в этом нового для тебя – нет. Я – старший архитектор института «Гражданпроект», заместитель председателя профкома, член ДНД, редактор стенной газеты, оклад сто шестьдесят, однокомнатная квартира, холост. И вот ты не отвечала на все мои знаки внимания. Ты кому угодно можешь улыбаться, строить глазки, только не мне. Со мной ты сдержанна и холодна. Хотя ты прекрасно видишь, как я пылаю без ума. Безумно! И тогда, почувствовал, что ты несговорчива... То есть, нестигаема и непреклонна, я решил пригласить тебя в гости к

себе и сделать вот что: насыпать в коньяк яду. Смертельного яду! Убийственного, Вика! Милая Вика! Знай, что мы с тобой сейчас умрем. Ты смеялась над моим чувством. Или чувствами? Не важно теперь. Ты смеялась, и я отравил коньяк. Поняла? Мы умрем вместе. И я счастлив до умопомрачения, что ты будешь со мной помирать. Прощай, Вика. Прощай, любовь моя... Всей жизни у нас на полчаса осталось... Прощай. То есть, нет, не прощай пока. Я тебе сейчас скажу всю правду до конца, если уж мы с тобой в последний раз видимся на этом свете, а еще не известно – существует ли тот свет. Это ведь как коммунизм – не то будет, не то нет... Но я это не к тому. А вот к чему. Скажу тебе честно, откровенно, как на духу, как на исповеди последней, предсмертной: ты вот меня сейчас назвала Серей-Верей, ага? Так ведь, ну? А ведь я тебя люблю, Вика, понимаешь? Или не понимаешь? Люблю тебя, как Ромео Джульетту, как Пушкин – Натали, как Василий Степанович из третьей мастерской – свою Маргариту Львовну... Тот Василий Степанович, из третьей мастерской, который бежит домой каждый день после работы, как дурак, торопится... Вот как я тебя люблю, Вика, вот так, Вика. Викусенька. Викуша. Выкуси. Всё. На этом наши разговоры окончены. Все. Киздец подкрался незаметно. Карачун нам пришел, Вика. Накрылись мы с тобой, Вика. Все, Вика. Жизнь наша кончилась. Вино... Вино отравлено! Вот такушки...

ВИКА. Это коньяк...

СЕРГЕЙ. Эх, Вика! Раз работаешь курьером, так, думаешь, не надо книжки читать, в библиотеку не надо записываться? Так, что ли? В автобусе, пока едешь до работы, надо тогда читать, понимаешь? Это я тебе для образности, для красоты сказал слова из «Гамлета», чтоб ты поняла: «Вино... вино отравлено!» Вот так! И ты так ничего и не поняла. Читать надо было раньше книжки-то. Теперь уже поздно. Необразованная помрешь. Ну, что? (пауза.) Веришь в коммунизм? Веришь... По глазам вижу, что веришь. А я – не верю. Не верю вот. Не верю вот и все. Но ни ты, ни я с тобой, не доживем до тех счастливых лет, когда будет или не будет коммунизм... Вот так. Ну, как ты, говоришь, все меня на работе зовут? Как все дразнят?

ВИКА. Серя-Веря...

СЕРГЕЙ. Вот так, да? Очень приятно. Но мне теперь это все равно. Как хотите называйте. Все равно, поняла? Умирает Серя-Веря, умирает Вика... (пауза.) Прям стихи, ага? Вот послушай, как я умею на ходу сочинять, подметки рвать...

«Умирает Серя-Веря!

Умирает Вика!

Не дождались коммунизма!

Только погляди-ка!»

Хорошие стихи, ага? Куда ты? Вика, куда, куда?

ВИКА (шепчет.) В туалет, в туалет, в туалет надо быстрее, быстрее... Быстренько...

Промыть желудок надо, желудок, желудок... Быстрее, быстрее, быстрее... Господи, ноги не идут, не идут, не идут, не идут... Не идут!!!!

СЕРГЕЙ. (грустно.) Какой тебе туалет? Что думаешь – поможет, да? Ага, как же. Хочешь – разговаривай с унитазом, хочешь – не разговаривай: бесполезно. Поняла? Сколько времени вон прошло уже? Все в кровь давным-давно всосалось. Вот так. По жилкам идет. По кишочкам ползает. К сердцу, к сердцу – чувствуешь? – подбирается... Всё... Всё... Финиш!!!

ВИКА. (все так же.) Скорую надо... Скорую... Скорую, скорую, скорую, скорую надо... быстро, быстро, быстро... Скорую вызывай, пусть спасут нас, пусть спасут, я жить хочу, жить, жить, жить, жить, жить... Сереженька, вызови скорую, прошу тебя, Сереженька, Сереженька, миленький, быстренько...

СЕРГЕЙ. Ах, как ты мило меня назвала! Как мило! Сереженька! Так мило, аж до слез пробрало... Неужели я дождался хоть перед смертью от тебя доброго слова? Неужели? Знаешь, Вика, меня первая жена так звала: «Сергунчик, Сереженька, Черенький, Сергуня...» Ага, вот так! За ухо кусала и при этом и шептала, шептала вот такие вот

слова... Приятно, что и говорить. Мужчиной себя чувствуешь, когда такие слова тебе говорят... А потом взяла и ушла к Ванюшину из соседней бригады. К начальнику. Вот так. Вот тебе и серенький-обсеренький. Такие вот наши дела, Викуся...

ВИКА. Скорую... Скорую мне... Скорехонько мне скорую... Скорехонько... Быстрехонько... Быстренько... Ноги не идут, не идут, не идут! Господи-и-и-и-и!

СЕРГЕЙ. Какую скорую? Викуль откуда, ну? Автомат на улице, не добежишь, кончишься. Будешь валяться на полу, как не опознанный труп. Зачем тебе это? Документов ведь у тебя нету с собой? Ну вот.

ВИКА. Нету, нету, нету, нету, нету...

СЕРГЕЙ. Ну вот. Сиди, значит. Можешь прилечь. Хочешь? Ладно, давай, Вика, не придуривайся. Встретим смерть достойно. В глаза ей посмотрим. В лицо. Слышишь? По-человечески встретим смерть нашу. Ты человек или кто?

ВИКА. Человек, человек, человек...

СЕРГЕЙ. Ну то-то. Смотреть ведь противно, как ты сопли распустила. Сиди. Все. Все хорошо. Жизнь прожита. Конец. Занавес. Очень хорошо. Слава Богу, слава Богу. Давай, знаешь, что сделаем? Давай – допьём остатки, скажем напоследок друг другу правду, возьмемся за руки – и кончимся... Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропа-асть! По одиночке-е-е!... Надо напоследок правду друг другу сказать, а то чего мы за нос-то водим друг друга? Ты – меня, я – тебя? Зачем, а? Давай, ну?

ВИКА. (помолчала, весело.) Ты меня разыгрываешь, да? Разыгрываешь! Ну, конечно, конечно, разыгрываешь!... Как я не поняла сразу! Ну, дура, испугалась чего-то... Чего испугалась-то я, а? Ты же пошутил, ага? Как всегда по-дебильному, по-своему пошутил... По-мудачки... Ну, ты даешь! (хохочет.) Я и испугалась чего-то! И чего я испугалась-то? Откуда у тебя яд-то? Откуда, ну? Его тебе что, в аптеке продали, ага? Откуда, ну? Ой, ой, ой, ой, испугал! (смеется.) Эх ты, Серя-Веря! Нет, вы посмотрите-ка, посмотрите-ка, как напугал, надо же! Нет, вы посмотрите, посмотрите! Ну, дура я, дура, что поверила, зачем поверила, почему – не знаю! Он эдак шутит, я же говорю, ну?

СЕРГЕЙ. Ну, что же, не верь. Не верь. Дело твое, Викусенька. Дело твое, конечно. Видишь, кольцо с поворачивающимся камнем? Вот так. Вот и всё. Вот и все объяснения. Это бабушкин перстень. Яд от неё остался. А яд я испробовал уже на своем коте. Кота-то у меня, видишь, нет? Нету. А ведь был. Был. Я на нем испытал. Он умер сегодня утром. Кикнул. Я ему в рыбу засунул немножечко, пару крупинок. Он сразу – брык! – ноги кверху. Дкба дал. Сыграл в ящик. Так что – верь или не верь – дело твое. Но мы с тобой, Викусенька, вот-вот кончимся... Чего ты думаешь я так долго на кухне делал, за бутылкой когда ходил, помнишь? Ну, чего? Тараканов давил, что ли? Или руки мыл? Посуду вытирал? Ага, как же. Посуду.

ВИКА. Врешь, врешь, врешь, врешь... Не верю я, не верю, не верю, не верю, не верю... Не верю тебе, не верю, не верю...

СЕРГЕЙ. Вика, ты прям как Станиславский. Не верю, не верю... Да не верь. Не верь,

ВИКА. Дело твое. Ты как хочешь, а я должен подготовиться к смерти, сказать все напоследок тебе. Во-от... Милая Вика!

ВИКА. Господи, да что же это такое... Он ведь и в правду, что ли? Я ведь еще молодая, молодая... Я ведь еще пожить хочу хоть немножко... Не хочу умирать... Не верю я тебе, не верю, не верю, не верю!!!!

СЕРГЕЙ. Ну, хватит. В коммунизм веришь, а в то, что я коньяк отравил – не веришь. Где логика? Что же это такое? Итак, не перебивай. Вика! Милая Вика!

ВИКА. Я хочу дожить... до светлого будущего!... Бу-ду-ще-го-о-о-о! Чего же ты наделал... Руки у меня холодеют чувствую... Отнимаются мои руки... Господи, маменька моя, господи!!!!

СЕРГЕЙ. Итак, милая Вика! Я должен сказать тебе напоследок. Сейчас мы умрем. Мы умрем сейчас. В одной луже крови нас с тобой найдут завтра или послезавтра, когда мы с тобой уже начнем разлагаться...

ВИКА. Какой крови... Какой крови... Какой крови... Откуда кровь-то будет?! Откуда?! Гад ты, кретин ты полосатый, негодяй! Убийца! Вот ты кто – убийца!!!! Вот, вот!

СЕРГЕЙ. Ну, это я опять так образно сказал – лужа крови. Никакой крови не будет, правильно. Все безболезненно. Хорошо я придумал. Ну, чего ты так перепугалась... Аж смотреть на тебя страшно стало... Ну, чего ты такая-то? Вика, ну, что? Краше в гроб кладут, ей Богу...

ВИКА. Какой гроб, какой гроб, какой гроб?!!!

СЕРГЕЙ. Да-а... Да-а... Не понимаешь ты меня, Вика... Не понимаешь... На одном языке с тобой говорим, а ты – не понимаешь меня. Итак, милая Вика! Как видишь, Викусенька. Кончились наши с тобой печки-лавочки...

ВИКА. Какие печки, какие лавочки... Убийца ты, убийца!!!! Какие тебе еще лавочки, какие?!!!! Мама, мамочка, мама моя, я боюсь, боюсь, мамочка моя миленькая!!!!

СЕРГЕЙ. Да, Вика. Такие вот дела. Такие. Помрешь ты, Вика, как Христова невеста. Ну, то есть – как монашка, монашенка, не познавшая мужика. Не познавши – помрешь. Ведь не было у тебя мужиков, да? Не было?

ВИКА. Мамочка, он чекнутый, Господи!

СЕРГЕЙ. Вот горе мне! Зачем ты, Викусенька, на белый свет являлась, зачем?! Бедная ты, бедная ты моя, бедная... Но ничего уже не поделаешь, дело сделано. Такова судьба. От нее никуда не уйдешь, не скроешься. Никуда... Судьба наша – заплечных дел мастер. Палач наша судьба. Вот она кто. Над тобой, Вика, любовь моя зависла как меч – и вот, пожалуйста, результат: пронзила она тебя, моя любовь, пронзила...

ВИКА. (рыдает.) Господи-и-и-и... Господи-и-и-и... Господи!!!! Господи!!!! Да чтоб я никогда в жизни...

СЕРГЕЙ. Не клянись. Не клянись. Кончалась жизнь. (Пауза.) Опять стихи. Что это со мной перед смертью стало – стихами говорю? Может, предназначение мое в жизни этой было – быть поэтом? А был я кем? А-а-а. Говном. Прости за выражение. Ладно. Выслушай меня, Вика... Тогда, Вика, в тот день... Дав постой ты, постой, не реви, выслушай мою историю, что же это такое в самом деле, ну? Хватит! Слышишь, нет? Не реви! Я тебе все расскажу, как на духу исповедаюсь, так сказать и с миром уйду в мир иной – к праотцам нашим! Итак, тогда, Вика, в тот день, я увидел тебя в первый раз и меня сразу же, мгновенно, пронзило током. Это я, уже кажется, говорил тебе, но это не важно. Итак, я искал с тобой встречи, хотел с тобой общаться, разговаривать и добился-таки, добился того, что ты обратила на меня свое драгоценное внимание.... Я стал с тобой дружить, стал провожать тебя, даже два раза водил тебя в ресторан...

ВИКА. Один раз! Один раз! Второй раз было кафе! Один! Кооперативное кафе! Запел лазаря.... Паразитина, гад! Ой, Господи, мамочка моя...

СЕРГЕЙ. Ага, кофе... Ишь ты... А кто расплачивался-то? Кто? Конь в пальто? Пушкин? Кто? Ты, что ли? Я! Я расплачивался-то! А там цены были как в ресторане! Поняла? Ты ведь даже и не знаешь, сколько я заплатил! Я ведь, чтоб ты не подумала, что я деньги жалею, нарочно официантку в сторону отвел, подальше, потихоньку расплатился, а то ведь она – она ведь прямо в нос тебе совала счет, тебе в нос, забыла, что ли? Помнишь? Ну вот! Я видишь, какой добрый, честный, чистый, ранимый? Чтоб не подумала, что я такой жадный, и что я не хочу, чтобы ты половину заплатила из тех 40 рублей 27 копеек, отвел официантку в сторону! Тебе сохранил душевное спокойствие, поняла ты или не поняла? Вот так вот. Ничего никогда не замечают, эгоисты. Вот так, да. Ничего! О чем это я? А-а, так я тебя люблю, Вика, что я в тебя провалился, просто по самое горло, по самое-самое, понимаешь?

ВИКА. Я не дачный сортир! Провалился он... Захлебнуться ты там, гад, не мог... Провалился он, скотина... Чтоб ты провалился, провалился, скотина, провалился... (плачет.)

СЕРГЕЙ. Вика, Вика, Вика... Мы же с тобой интеллигентные люди, право же. Ну, что ты мне так напоследок грубишь, что, что? Нельзя так, право. Ты хочешь казаться хуже, чем

ты есть на самом деле. Ты скрываешь свое истинное я... Вот так. Давай, все же, умрем друзьями, ну? Хочешь? Ну, не хочешь если, чтобы как возлюбленные, в одной луже крови, то давай умрем просто так, друзьями... Вика! Ну? Слышишь ты меня?! Друзьями, я говорю, умрем, друзьями!!!

Пауза.

ВИКА. Ага, друзьями... Друг, друг... Друг нашелся... Серя-Веря, негодяй... Крокодила кусок... У меня ноги, ноги холодеют... Я пойду, прилягу, прилягу... Ой, Господи... Как страшно умирать, оказывается... Господи, как страшно... Что ты наделал... Что ты наделал со мной, негодяй... Я уже и говорить не могу, ты видишь, подонок, видишь... У меня уже язык окостенел, напрочь... Заплетается... Господи, прости мне все мои грехи, прости Господи... Помираю... Смертынька моя наступила... Господи, думала ли я, что так глупо умру, Господи, могла ли я думать, что из-за этого дурака я... Руки напрочь отказали, ноги тоже... Всё... Умираю, умираю я...

СЕРГЕЙ. Приляг, Викусенька, приляг, милая, сюда, на диванчик, вот так... Вот так, так и так... Сразу надо, Викусенька, сложить вот так, чтоб потом тебя не укладывать, не мучаться людям, а то, Викусенька, ручки у тебя одеревенеют, заостенеют, знаешь, - как будто смерзнуться и вот тут, в этом месте, нужно будет жилки перерезать... Подрезать надо будет вот тут, тут и тут ножечком надо будет, скальпелёчком, чик-чик... Ты знаешь, Викусенька, мы, когда хоронили Сергеева из шестой бригады...

ВИКА. Господи, да уйди ты с глаз долой, дай хоть помереть спокойно, уйди, уйди, или я соберу последние силы и шибану тебя сейчас чем-нибудь по голове твоей поганой... Уйди, слышишь, уйди! Или я за себя не ручаюсь, гад, не ручаюсь!

СЕРГЕЙ. Милая, не надо так ругаться, не надо... Зачем? Погоди, погоди, погоди! Ах, как красиво ты лежишь! Как красиво! Пусть на твоих устах запечатлеется улыбка... Улыбайся, а? Вот все будут подходить к твоему гробу и говорить, плача: «Господи, какая она! Вы только посмотрите на нее, посмотрите! Ведь лежит в гробу, как живая, лежит и улыбается, будто заснула и сны видит сладкие, христовенькая... Как живая будто!...»

ВИКА. Мамочка...

СЕРГЕЙ. Ну, что ты, Вика, не улыбаешься? Надо, надо, надо, милая! Для потомков, для истории. Напрасно не улыбаешься. Надо всегда, милая, держать хвост пистолетом. Даже при смерти! Всегда!

ВИКА. Заткнись, заткнись, заткнись!!!!

СЕРГЕЙ. Нет! Нет! Я хочу улыбки на твоих устах сахарных! Хочу! Поэтому я тебе сейчас расскажу анекдот... Ты рассмеешься и кончишься. И все будет в порядке. Слушай. Приходит мужик в буфет. Клиент. Приходит и спрашивает: «Дайте мне, пожалуйста, стакан вода.» Буфетчица говорит: «Не вода, а воды...» И подает ему стакан воды...

ВИКА. Ма-а-ама-а-а....

СЕРГЕЙ. Мужчина выпивает и говорит: «Вкусная у вас воды...» А буфетчица снова поправляет: «Не воды, а вода...» Тогда клиент ей говорит: «Воды, вода, воды, вода... Паришь мозга...»

Пауза.

ВИКА. Мамуленька... Я ведь еще молодая совсем... Мне ведь еще мало лет совсем...

СЕРГЕЙ. (грустно.) Девятнадцать говорила...

ВИКА. Мне ведь девятнадцать лет еще только, правильно... Мамонька моя, мамулечка... Я совсем молоденькая... Господи...

СЕРГЕЙ. И я тоже не старенький. Я ведь тоже умираю, слышишь, Вика? Чуть-чуть лысинка появилась на голове. Мне всего лишь тридцать шесть. Помираю во цвете лет, можно сказать. Ну, чего же ты не смеешься, Вика? Развеселил я тебя анекдотом? Развеселил? Или ты не поняла? Слушай еще раз, если не поняла: приходит мужик к буфетчице и говорит: «Стакан вода...»

ВИКА. Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой....

СЕРГЕЙ. (щекочет Вику.) Ну, улыбнись, улыбнись, улыбнись...

ВИКА. Сейчас умру, умру, умру... Да тебя, тебя-то, гад, почему не берет-то?! Ты0то почему еще ползаешь, почему, почему, почему, почему?!!!!

СЕРГЕЙ. Я – мужчина. Вот так, Вика. У меня – дольше. Знаешь, какой я мужчина? Ого-го. Все довольны были. Все до одной. Жалко, что ты уходишь, уходишь в иной мир, так и не проверив, так и не испробовав, какой я мужчина, жалко, жалко...

ВИКА. Чего ты буровишь, чего, чего, чего, чего?!

СЕРГЕЙ. Нет. Ничего. Так просто. Ты улыбайся, улыбайся.

ВИКА. Ты, наверное, в мой стакан насыпал, да? Только в мой? А себе – нет? Себе не насыпал? Не сыпал, да? Не сыпал, говорю, не сыпал? Говори быстро!

СЕРГЕЙ. Нет, Вика, я всю бутылку отравил. Обоим карачун придет. А какие же мы с тобой молодые! Какие... Жалко. Всем будет нас с тобой жалко. Я так думаю. Ведь это надо же, скажут, какие дураки! Взяли вот и отравились! Зачем, почему, отчего?!

По-о-ошто-о-о?! Да из-за любви друг к другу, скажут. А зачем из-за любви друг к другу травиться-то, спросят?! Пошто-о-о?! У нас ведь в стране друг друга любят и не травятся, поди-ка, живут мирно и дружно, в полном согласии и спокойствии.

ВИКА. Господи-и-и-и...

СЕРГЕЙ. И никто, никто, ни одна живая душа не будет знать, что ты меня совсем, совсем не любили, совсем...

ВИКА. Ненавижу тебя!

СЕРГЕЙ. Вот видишь! А нас с тобой, наверное, в одной могиле похоронят, вместе... А ты – ненавижу! На могилку поставят куст рябины. Или нет – дуб и рябину. Чтоб красивее было. Как в песне. Ты – дуб, я – рябина. Нет, наоборот. Я – дуб, ты – рябина.

ВИКА. Дуб, дуб, дуб, ненавижу!

СЕРГЕЙ. Будем стоять в обнимку. И никто знать не будет, что ты меня ненавидела, вот так. Что стоишь, качаясь, гордая рябина... Не любила. А по ресторанам со мной ходила ты только потому, что у меня денег – куры не клюют, что я тебя кормил и поил, одевал и обувал...

ВИКА. Ты меня кормил и поил?! Ты меня одевал и обувал?! Меня кормил и поил?! Ты? Господи! Денег у него куры не клюют! Врешь, врешь, Серя-Веря! Серя-Веря ты несчастная! Мышиный жеребчик! Не жуч мочало, не ври! В трамвае даже сроду на мои абонементы ездил! Забыл, что ли? Сроду-роду!...

СЕРГЕЙ. Вот, здарсьте, а? Да я как узнал тебя месяц назад, так у меня из-за тебя деньги как тараканы стали расползаться. Поняла ты, Вика нехорошая... Как бы дал тебе сейчас больно за эти деньги попусту потраченные! Последние денечки в своей жизни, можно сказать, и даже не пожил в свое удовольствие! Как бы дал сейчас тебе, чтоб даже на том свете помнила! Да я как познакомился с тобой – денег и не видел даже своих! Будто дырка в кармане появилась! Видишь? Карманная чахотка! Сегодня ждал когда тебя, дак даже пустые бутылки пошел сдавать, чтоб только тебя коньяком угостить! Чтоб коньяк был, да чтоб жратва тебе была, на столе стояла! Ты посмотри, посмотри сколько всего наготовил, посмотри! Как на Маланьину свадьбу! Даже редьку с квасом вон натер, видишь? Вон сколько всего наготовил, вон, вон, вон!

ВИКА. Ага! Редьку – к коньяку! Молодец! Паршивец!

СЕРГЕЙ. Вика, не ругайся... Не ругайся! Нельзя безобразия хулиганить. Неужели ты совсем-совсем не осознаешь ответственности данного момента? Ведь вот-вот...

ВИКА. Ой, Господи...

СЕРГЕЙ. Кстати, о коньяке... Тут еще по одной рюмке осталось на рыло. Видишь? Не пропадать же добру. А? Давай – замахнем по маленькой, шандарахнем? А?

ВИКА. Да уйди, уйди ты, уйди, уйди...

СЕРГЕЙ. Ну, что ты как маленькая? Не придуривайся... Коньяк, как коньяк. Первое слово животное и второе слово – животное! Что это? Конь и як! Будешь, нет? Ну, это ты наелась, наелась уже... Ну и что, что отравленный? Градусы-то в нем те же остались, ну? Умрем, умрем с тобой в кайфе! Люблю коньяк!

ВИКА. Уйди, уйди, скотина, скотина, скотина, уйди...

СЕРГЕЙ. Ну, тихо, тихо, тихо ты... Чего егозишь-то? Вот пролешь сейчас на диван... А диван у меня, кстати, новый... Недавно купленный... Испортишь вот обивку... Зачем диван мыть коньяком? Незачем. Только в крайних случаях диваны можно мыть коньяком, а вообще-то этого делать не следует никогда... Незачем. Вот, вот, вот, так вот, вот так, умничка, пей, пей, пей...

Большая пауза. Выпили оба.

Побежало по жилкам... Вот и славно. (Закурил.) Покурю вот я напоследок и... Да ты, Вика, на меня не обижайся, не надо. Ну, что я так сделал, не спросив тебя – хочешь ты или не хочешь помирать. Прости уж. Знаешь, посмотрел я, посмотрел я на тебя, на себя и задумался: зачем нам жить? Ты подумай сама, Вика, и реши: ну зачем нам жить? Зачем? Вот. Правильно. Незачем... Бредем, куда нас гонят. Бредем. Пустое мы с тобой место. А нас гонят. Панургово стадо, вот мы кто. А что впереди? Водопой или пустыня? Коммунизм, ага? Секрет, говорят. Ага. Секрет. Секрет Полишинеля. Знаешь, что это такое? Ну вот, опять не знаешь. Совсем неграмотная. Зачем жила – непонятно. Книжек не читала, только на танцы да на индийское кино... Секрет Полишинеля, Викусенька, это то, что всем, всему белому свету известно давным-давно...

ВИКА. (спокойно.) Неправда. Неправда! Неправда!!! Я тебе не стадо. Я хорошо, очень хорошо, я правильно жила на белом свете. Хорошо я жила. Понял?!

СЕРГЕЙ. Ой, Вика, как красиво ты заговорила. Ой. Ой. Ой. Ой. Ой. А что ты сделала такого, Вика, хорошего за свои девятнадцать лет? Что, ну что? Хотя врешь, что девятнадцать, обманываешь народ. Двадцать пять, ага?

ВИКА. Двадцать четыре с половиной.

СЕРГЕЙ. Ой, ну и что, что с половиной, что, что-о-о? Что ты такого хорошего сделала за свои двадцать четыре с половиной, что? Да ничего. Ничегошеньки.

ВИКА. А то сделала! Сделала. Много я чего человечеству сделала. Не надо мне тут! Успокойся. Много. Понял?

СЕРГЕЙ. Господи, Вика! Да не надо всему человечеству делать доброе, не надо! Ты одного-двух назови - и слава Богу! Ну, назови, назови, давай!

ВИКА. У меня их... шесть было! Понял ты или не понял? Шесть их у меня было! Шесть!!!

СЕРГЕЙ. Кого – шесть?

ВИКА. Мужиков у меня было – шесть! Шесть! Кого обогрела, кого приголубила, кому тепло со мной было – их было шесть, понял ты меня или не понял, дурак?!

СЕРГЕЙ. Так. Так. Так-так-так. Любопытно. Очень любопытно. Открытость. Гласность, стало быть, предсмертная. Вот ведь как, а? Вика? А я тебя – всё Христова невеста да христова невеста, чистая, воздушная, а ты уже, значит.. Ага?!

ВИКА. Пошляк ты! Дурак набитый! Какая я тебе к черту христова невеста?! Какая?! Нашел христову невесту! Дурак ты, дурак, дурак! Дурак набитый! Понял ты, кто?! Дурак, пошляк набитый!

СЕРГЕЙ. Вот так так! Не первой свежести, стало быть, попалась мне христова невеста...

ВИКА. Заткнись, пошляк! Ты циник и пошляк, ты ничтожество, понял?! Не смей, не смей, не смей, не смей мне говорить таких слов, не смей! Я самая чистая на белом свете, самая чистая, понял?! Я замуж хотела, я дом хотела, я мужа хотела, я детей хотела, я любви хотела, понял? А после третьего я поняла, что не выйду замуж, не выйду, не выйду, не выйду, не возьмут меня! Вы, вы, вы, вы, кобели несчастные, проклятые, чего вы ищите, чего, чего, чего?! Шары разуйте, разуйте! Чего вам надо, чего?! Во мне столько детей убитых! Я бы вам их нарожала столько, сколько хотите! Маленьких, пухленьких, хорошеньких, они бы вам бегали, прыгали! Вы бы с ними нянчились и знали бы, что не даром жизнь прожили на свете, жизнь дали другому человеку, человечку! Ну, где уж нам уж выйти замуж, мы уж так уж как-нибудь! Понял ты меня или не понял?! Ты, козел?! Понял?! Понял?! Понял?!

СЕРГЕЙ. Ну, тихо, тихо, тихо, ты чего, успокойся, Вика, не надо...

ВИКА. Успокойся?! Успокойся?! Я тебе сейчас покажу успокойся! Я тебе сейчас успокоюсь! Я тебе сейчас так успокоюсь, что ты у меня не встанешь, мерин горбатый, плешивый, гунявый! Зачем я тебе нужна была, зачем?! Про любовь он говорит, провалился он! Вы посмотрите на него только! Да провалился бы ты, провалился, ненавижу тебя, гада, ненавижу, всех вас ненавижу! Зачем я тебе, скажи зачем?! Поматросил и бросил? Так? Не знаю я будто тебя, не вижу я будто насквозь все твои намерения, не вижу, да? Насквозь я тебя вижу, насквозь, насквозь!!!! Понял?!!!!

СЕРГЕЙ. Авось бы и женился...

ВИКА. Авось бы и женился! Авось да небось, да как-нибудь! Знаю я тебя! Знаю! «У койку» - вот и все! Вот и всё, что тебе от меня надо было, вот что! Насквозь, насквозь, насквозь вижу!!!!

СЕРГЕЙ. Ну, раз ты такая сквозная – искала бы своего принца... А? Чего же ты сама, со всеми, с кем не попадая, то туда, то сюда? И со мной тогда – скажи, зачем? Ради спортивного интереса, что ли? Ага? Будь седьмой, Серя-Веря? Ага? Ну, зачем ты ко мне домой пришла, скажи?!

ВИКА. (плачет, обнимает Сергея, упала на колени.) Миленький ты мой! Миленький! Миленький ты мой! Я же тебе добра хотела! Ты же один, один, никого у тебя нет! Ходишь замызганный: несчастный! Я тебе добра хотела! Хоть маленького счастья хотела тебе! Хоть капельку! Ну, не счастья, так радости, радости, понимаешь, нет? Не понимаешь, не понимаешь? Добра хотела! Я добра хотела! Прости, Сережа, что не успела ничего сделать для тебя, прости, помираю вот, ничего не сделала для тебя, прости меня, меня, дуру такую набитую, прости, дуру грешную...

Рыдает.

Большая пауза. Молчание.

СЕРГЕЙ. Вика, встань. Не надо плакать. Ты мне сделала добро тем, что хотела сделать добро. Считай, что ты его сделала. Ну, все хватит. Кончаем этот цирк, будя. Я пошутил,

ВИКА. Никакого яда нет. Мы с тобой просто-напросто пьяные. Ну, не пьяные, а так – выпивши... Я пошутил. А кота своего я второй день найти не могу. Весна. Убежал в форточку по девкам гулять. Я пошутил. Прости меня.

Молчание.

ВИКА. Пошути-и-ил?!.. Как – пошути-и-ил?! Пошутил... Разве так шутят... Шутят так?!

Молчание.

СЕРГЕЙ. Ну, прости, пожалуйста. Глупая, конечно, шутка. Не знаю, зачем я так... Прости...

Молчание.

ВИКА. Эх ты, Серя-Веря... Пошутил он... Пошутил он... Пошутил, стало быть... Ага? Посмеялся... Ноги вытер, как об тряпку... Посмеялся, ага? Весело тебе было, ага? Хохочешь? Смеешься, ага? Эх ты, Серя-Веря... Ну, иди, иди, всем Расскажи, иди... Пошутил он... Расскажи, что я тебе тут молола, как я тут плакала, как ползала перед тобой, неотразимым мужчиной... Пошутил, ага? А чего же у меня руки не поднимаются? Ноги не идут? Нет, идут вроде... Вроде, правда, идут... Пошутил он... Пошутил?!... Пошутил. Ну, расскажешь завтра, мужики смеяться будут... В курилке на работе всем рассказывай. Завтра же. Покрасочнее, в лицах все покажи, поярче... И про меня, и про себя... Про меня больше, конечно... Привел, мол, её «у койку», трахаться, а она... Серя-Веря... Да не думай, не думай, кстати, не думай, что я такая дура... Не думай! Я ведь все знала с самого начала! С самого-самого... Я ведь тебе подыгрывала, артистка... Я ведь вместе с тобой развлекалась... Смеялась и хохотала про себя... Ага. Врала тебе тут всё. Весело было. А чего же – вечер длинный, скучный, вот я и наврала тебе всё – развлекалась... Слышишь?! Слышишь?! Я тебе все наврала от начала до конца... Мне девятнадцать лет только-только исполнилось, понятно?! Я тебе все наврала... Всё! Всё! Всё! Наврала! Наврала!

СЕРГЕЙ. Нет...

ВИКА. Да!

СЕРГЕЙ. Нет!

ВИКА. Да врал, врал, врал, врал, врал!!!!

СЕРГЕЙ. Нет! Нет!

ВИКА. Да, да, да, да, да! Врала, врала!

СЕРГЕЙ. Нет! Нет! Нет!

Вика рыдает. Сергей вдруг встал, выпрямился, смотрит в одну точку.

Скажи мне, Виктория, честно, ты в коммунизм веришь? Веришь ты в него или нет?

Веришь?

ВИКА. Нет! Нет! Нет! Нет! Врала я тебе всё! Врала! Неправда всё! Наврала я тебе всё! Не верю! Не верю я ни в какой коммунизм! Не верю! Слышишь! Не верю! Врала я тебе всё, врала, врала, неправда, неправда, врала, врала, врала! Нет, нет, нет!!!!...

Вика плачет, уткнувшись в подушку лицом.

Сергей вдруг начинает в какой-то слепой ярости бить тарелки.

Хватает их со стола, крушить мебель, срывать и топтать шторы.

Кричит ожесточенно, словно ему невероятно больно в сердце.

СЕРГЕЙ. А я – верю в коммунизм! Верю, что он наступит, наконец! Иначе незачем жить! Я верю, что придет на землю счастье человеческое! Что наступит для всех нас счастливое время! Верю, что все мы будем счастливы, все, все, все до единого! Мы должны быть счастливы!!!!

Хватает Вику за плечи, трясет её, смотрит в глаза.

Слышишь ты меня, слышишь?! Мы должны быть счастливы! Все, все, все до единого! Не можем же мы вечно страдать, вечно, вечно плакать, быть униженными! Не можем! Мы будем счастливы! Будем счастливы! Придет к нам счастье! И мы с тобой будем счастливы! Придет коммунизм, придет счастье на землю! Придет! Я верю в это, верю, иначе незачем жить! Я верю, верю, верю, верю, в это, верю, верю, верю, верю, верю, верю, верю, верю!!!!!!...

**Темнота
Занавес
Конец**

*г. Свердловск
Октябрь 1988 года*